

Его свет точно ниша; в ней светильник; светильник в стеклянном сосуде; стеклянный сосуд точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся свет. Свет на свете!

Коран (24:35)

ВВЕДЕНИЕ

Работа базируется на материалах, в основании которых разнообразные поверья и представления, а также обряды и ритуалы, пронизывающие многие сферы жизни и быта таджикского населения Центральной (Средней) Азии. Эти массивы охватывают не только территорию современной Республики Таджикистан (РТ), но и такие крупные центры среднеазиатской цивилизации, как Самарканд, Бухара и другие города и районы с ядром таджикского и таджикоязычного населения, волей судьбы оказавшиеся на территории Республики Узбекистан (РУ).

Толчком для написания книги послужили впечатления, накопленные автором в родной среде еще в подростковом и юношеском периодах жизни. Благодаря занятию этнографией они были умножены и осмыслены в результате многолетних исследований картины мира таджикского народа. С этим связана одна из особенностей предлагаемого изложения: оно представляет собой плод размышлений не только специалиста, но и носителя языка и культуры. Подзаголовок книги — «Размышления о таджикской культуре» — не предполагает тематического разнообразия. Его рамки ограничены конкретным сюжетом. Им является тема огня в традиционной культуре изучаемого народа. Рассматриваются формы восприятия этого природного элемента в ситуациях, когда отношение к нему проявляет себя как способ выражения мысли, поверий и взгляда на мир. Опыт изучения темы огня в культуре местного населения показывает, насколько хорошо мы информированы о внешней стороне использования этой стихии в быту, настолько же мало знаем о системе воззрений и убеждений, связанной с ней. Это обстоятельство определяет тему книги и цели, которые преследует автор.

Мы хотим, чтобы читатель увидел различные проявления позитивного отношения к огню в традиционной культуре таджиков, главным образом — роль и место этой стихии в картине мира местных женщин (как и в других традициях, закрепивших за собой роль хозяек семейного огня). Накопленный нами материал показывает, что огонь выступает эпицентром события и способом эмоционального переживания во многих обрядах автохтонного

(ираноязычного) населения Центральной Азии. Но доминирующим исследовательским акцентом книги является отношение «женщина–огонь». Необходимость раскрытия роли огня в традиционной культуре таджиков останавливает внимание на семейном огне, разводимом в каминно-очажном отделении (*касаба*) кухонного помещения жилого дома и определяющем одну из важнейших сфер мира таджикской женщины. При этом системное описание конструирования (обычно женщиной) очажных устройств для семейного огня, формирования самого огня и управления его горением остаются вне сферы нашего внимания. Не входит в нашу задачу и обращение к бытовому (утилитарному) назначению этого блага (скажем, для отопления¹ и освещения жилища, а также приготовления пищи), хотя данный аспект так или иначе присутствует в тексте. Это присутствие необходимо для придания тематического единства исследуемым сюжетам, поскольку в изучаемом обществе, когда речь идет об оперировании огнем, часто логическая дистанция между событийным и не-событийным (утилитарным) назначениями этой стихии стирается. Тогда действия управляющего пламенем принимают зримые признаки возвышенного отношения к огню. В целом открытые женские костры по их локализации в семейном очаге в пространстве *касабы* являют пример стационарных огней, тогда как интересующие нас в большей степени церемониальные огни обычно переносные (по месту их раскладывания) или, реже, передвижные (например, факелы, петарды).

Таким образом, ход исследования предполагает в основном анализ ритуального использования огня (в том числе пламени, дыма, сажи, лучин или свечей, факелов, петард и т.п.). В некоторых случаях внимание автора сосредоточено и на огне, разводимом в стационарном семейном очаге ради утилитарных целей. В первом случае огненная стихия рассматривается в плане символических представлений, связанных с этим природным элементом, во втором — в аспекте видения замужней женщиной себя олицетворением функции хозяйки огня со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

При выявлении смыслов благоговейно-почтительного отношения к огню обнаруживаются определенные трудности. Уже постановка вопроса об использовании в обрядности огня как части сугубо женского видения мира обнаруживает, что требуется исследовательское погружение в целый ряд непростых проблем этнографии оседлого населения Центральной Азии. Дело еще и в том, что смыслы элементов конструкции огненных ритуалов (в частности, мотивы позитивного отношения к стихии огня) не лежат на поверхности. При первом же знакомстве с подобными ритуальными практиками выясняется, что часто в них дремлют воззрения, попытка поднятия завесы над которыми требует определенных усилий. Другая проблема исходит из общеизвестной способности символов ритуала олицетворять бесконечное число аспектов знания. Каждый из этих символов требует всеобъемлющего рассмотрения. К тому же любая попытка «буквального» понимания символа заранее обречена на провал. Поэтому все, что мы в состоянии сделать, — попытаться снять покров с некоторых образов, смысл которых символы лишь подсказывают. Этим мы даем толчок для будущих исследований в данном направлении.

Для нас задачей первого плана является исследование традиционной практики свадебного костра. Интерес к ней продиктован тем, что она является собой впечатляющее отражение благоговейно-почтительного отношения к огню. Такая особенность ориентирует прежде всего на осмысление ментальной подоплеку костра новобрачных. С учетом сложности, которую представляет исследование этой проблемы, на данном этапе важно наметить некоторые направления, приближающие к решению активных базовых элементов интересующего нас ритуального костра, выступающего как единая интегральная конструкция последовательных действий. Операционные элементы этой конструкции рассматриваются в рамках самостоятельных очерков, каждый из которых обладает индивидуальной внутренней организацией текста. Монографически они связаны нитью, которая ведет к пониманию ментальной пружины концепции огня в рассматриваемой культуре, главным образом — в традиционных обрядах с использованием огня, инициирование и выполнение которых предписано женщинам.

Так, отправной точкой исследования является небольшое описание, достаточно ярко представляющее содержательное и эмоциональное отношение к огню, возжигание которого знаменует один из важнейших этапов традиционной свадебной обрядности.² Речь идет о таком предписании традиции, как церемониальный костер для совершения обряда *алоугардон* — обведения вокруг огня молодоженов (и/или, как вариант, невесты, без участия жениха). Достаточно выразительные особенности, присущие *алоугардону*, являющемуся обязательным и фактически завершающим компонентом комплекса традиционных свадебных церемоний, красноречиво свидетельствуют о том, что главным его смыслом является осознанное переживание персонажами церемонии пламенеющего огня.

Обведение невесты (или обоих новобрачных) вокруг ритуального костра характерно в основном для древних оседло-земледельческих районов Центральной Азии в достаточно широком географическом диапазоне. То, что эта церемония не носит узколокальный характер, а бытует в довольно значительном историко-культурном пространстве, может свидетельствовать о том, что она ведет свое происхождение от весьма отдаленных во времени культурных традиций. В сущности, вопрос в том, не является ли позитивное отношение, которое демонстрируют современные таджики к огненной стихии, элементом наследия общеизвестного возвышенного отношения к огню как к одному из основных элементов природы, какое было характерно для древних иранцев. Естественным образом возникает необходимость оглянуться назад, вести поиски возможных «точек опоры» в представлениях об огне в мифологических сюжетах и ритуалах древних иранцев — предков в том числе и современных таджиков. Ретроспективный план исследования, т.е. поиски возможных «подсказок» в сакральной традиции иранцев, помогает раскрыть вопрос об истоках почтительного отношения наших современников к огню. Такая ориентация делает целесообразным в самом беглом изложении коснуться также некоторых основных черт концепции огня, улавливаемых в мусульманских мифологических сюжетах. Мы полагаем, что результаты предпринимаемых сопоставлений должны продемонстрировать определенные черты созвучности или различия в восприятии пламени огня в доисламском иранском мире, для которого было

характерно осознанное почитание огненной стихии, с воззрениями о нем в исламе, где эта стихия, создающая Вселенную, выступает мифологемой адского пламени (ср. огонь как символ воздаяния за грехи в христианстве, иудаизме и индуизме). Естественно, возникает соблазн проследить, как эти, казалось бы, полярные концепции уживаются в современной культуре таджиков.

Краткий экскурс в область культа огня у древних иранцев подводит к разговору о его реликтах, зафиксированных этнографами в относительно недавнем прошлом в общественной жизни таджиков. Мы имеем в виду следы почитания огня в деятельности своеобразных «домов огня» (*алоухона*) или их прототипов в районах Центральной Азии.³ В научной литературе эти общественные институты получили наименования «мужские дома», или «мужские объединения». Функционирование подобных «домов» в основном было связано с огнем, и, следовательно, возжигавшиеся в них костры принадлежали только мужчинам. Это обстоятельство возбуждает интерес к специфике отношения к этому природному благу в мире, пределы которого были запретны для женщин. Подобная особенность в традиционной культуре таджиков легко переносит внимание из сферы событийных (ритуальных) огней, которые ассоциируются с миром женщины, в область собственно мужских огней. На этой основе открывается перспектива для постановки вопроса о концепции двух огней в традиционной культуре таджиков. Она отправляется от их членения на *собственно мужские* и *собственно женские*.⁴ Теоретически отсюда логично перейти к осмыслению идеологического основания интересующего нас ритуального костра, являющего собой, как мы уже говорили, преимущественно женское действие. Естественно, эта особенность направляет ход мысли к довольно специфической проблеме «женщина — огонь» в рассматриваемой нами культуре. Так, следуя в направлении раскрытия истоков и идейных мотивов анализируемого ритуала, мы оказываемся в мире, пределы которого принадлежат женщине. Это объясняет, почему в представленном исследовании тема огня подразумевает событийные и не-событийные огни, по преимуществу связанные с картиной женского мира. Мы затрагиваем его особенности в той части и в тех объемах, которые касаются обязанностей хозяйки и управительницы семейного огня, по нашим данным, являющего собой природную собственность женщины и представляющего репрезентативную функцию власти (значит, и влияния на членов семьи, включая отца семейства).

В ключе женской интерпретации символических функций церемонии *алоугардон* в работе подвергаются рассмотрению и другие обряды жизненного цикла. Так, раскрытие «потаенных» мотивов идеализации огненной стихии связывает практику обведения молодоженов вокруг костра с такими формами традиционных семейных церемоний, как родильная и погребально-поминальная обрядности. Само собой разумеется, что комплекс традиционных обрядов материнства и раннего детства, а также погребально-поминальных церемоний нас интересует лишь в той мере, в какой он дает представление об отношении к огню в плане его символического истолкования. Детализация изложения в этом вопросе нам казалась излишней, поскольку подобные обряды хорошо описаны в литературе по оседлому населению региона. Другое дело — знахарские обряды, например ритуалы дней

недели (вторника и среды) или отдельные формы практик, связанных с приемами знахарской терапии, в которых оперирование огнем занимает заметное место. Несмотря на определенные достижения в научном описании этих областей народной жизни, все еще ощущается недостаток фактического материала. Поэтому автор счел целесообразным помимо выявления функций огня в указанных сферах отразить детали преданий, на которых построена канва ритуальных действий в обрядах дней вторника и среды. Это относится также к детализации описания приемов и процедур, носящих характер «гадательной» практики.

Из сказанного явствует, что круг вопросов, связанных с проблематикой исследования, в действительности гораздо шире. Объясняется это тем, что разбор костра молодоженов под семантическим углом зрения заставляет вести необходимые поиски в направлениях, где позитивное отношение к огненной стихии проявляет себя как базовый элемент обряда, нанизывая, таким образом, часто тематически не связанные друг с другом сюжеты на единую исследовательскую нить. Этим достигается скрепление узлами единства проявлений символических функций огненного пламени в основных сферах передаваемых из поколений в поколения таджиков обрядов, в том числе обрядов жизненного цикла. Но не во всех случаях речь идет исключительно об образах огня — чистейшей стихии мироздания.

Дело в том, что *алоугардон* реализует свое обрядовое бытие через последовательное включение в себя значимых элементов, в совокупности составляющих его внешний облик. Благодаря синхронизации элементов, включенных в операционную программу церемонии, создается цепочка нечленимой целостности. Она включает определенное количество действующих лиц (три или шесть человек, в зависимости от варианта церемонии), кратность обхода вокруг огня (как правило, три раза), обязательное движение персонажей слева направо, предпочтение перекрестка как места для раскладывания свадебного костра и т.д. Поэтому рассмотрение одного звена (к примеру, эмоционально окрашенной значимости троекратного обхода вокруг костра) в общем контексте числовой символики влечет за собой попытку раскрытия глубинного смысла другого структурного элемента ритуала (например, перекрестка как естественного продолжения звена структуры). Перенос внимания в область числовой и пространственной символики связан с тем, что ее элементы являются необходимыми условиями нормальности, т.е. соответствия реальности бытия ритуала (*алоугардон*) традиции. Конечно, числовая проблематика, как и символическая геометрическая, привлекает пристальное внимание к некоторым граням нумерологических и пространственных кодов: без учета подобных явлений, обладающих глубоким смыслом, рассмотрение мировоззренческой основы символических троичностей или семиотико-пространственного плана церемонии *алоугардон* молодоженов кажется произвольным. Следуя такому принципу, можно яснее почувствовать характер определенных процессов, так сказать, обмена веществ на разных участках этнической культуры, в том числе в «организме» церемониального костра для обведения молодоженов. Как результат, эти сюжеты становятся интегрированными частями единого информационного корпуса текста, служа ключом к пониманию единства ментальных основ в бесконечном многообразии культурных явлений.

Таким образом, анализ отношения к огненной стихии и семантический разбор элементов всего каркаса церемонии и составляют ядро нашего исследования. Конечно, избранные подходы к предмету исследования обладают достаточной привлекательностью, поскольку, как уже говорилось, появляется возможность гармонично связать подчас разноплановые сюжеты в единый блок. Главное состоит в продуктивности намеченного угла зрения. Он позволяет придать работе характер исследования постоянно действующих и неразрывных элементов, которые приводят в синхронное движение механизмы ритуала, придавая ему динамичную целостность. При всей энергозатратности избранного метода исследования он обладает ощутимым преимуществом, которое заключается в том, что позволяет рассмотреть группу тематически разных сюжетов в одном ключе. Им является благословенный огонь, с которым связан мыслительный стержень самого ритуала. Попытка понимания мотивов почтительного отношения к этому благу приближает нас к содержательным аспектам концепции огня в культуре таджиков.

Как же охарактеризованный тематический конгломерат связан с названием книги? Известно, что Коран⁵ везде один и тот же, однако истолковывается он по-разному, в зависимости от того, в какой мусульманской стране его читают. Значение этого факта зачастую недооценивается исследователями, что часто приводит к недоразумениям. Анализируя то или иное явление, характерное для отдельно взятой мусульманской страны или целого региона, большинство авторов переносят его на исламское учение и практику в целом. Вместе с тем учение Пророка Мухаммада, по крайней мере его практический аспект, имеет особые черты практически в каждом конкретном случае. Исламская религиозная практика в современной Центральной Азии во многом являет один из примеров подобной специфики. Направляясь в сторону «улавливания» характерных черт восприятия таджикскими женщинами *мира* и *себя*, можно почувствовать, что, когда возникает необходимость в «освещении» пространства души, они обращают внутреннее око часто к пламени огня домашнего очага. Почтительное отношение к этому элементу природы, пронизывающее поведение замужней таджички, дает вполне достаточное основание ставить вопрос о специфике феминной религиозной идентичности в исследуемом обществе. Принципиальная важность избранного исследовательского ракурса в том, что он позволяет поднять завесу над специфическими особенностями религиозного поведения местного населения в целом. Выясняется, что в современном таджикском обществе феминная, так сказать, интерпретация Корана в значительной степени не совпадает с духом и принципами Священного Писания мусульман, с которыми согласовывают свою религиозную активность мужчины. Данный феномен (а он отражает региональное своеобразие ислама) в нашей науке продолжает оставаться неисследованным. Зримые признаки своеобразной полярности мировоззрения мужчин и женщин ярче всего прослеживаются в проявлениях отношения тех и других к огненной стихии. При этом встает вопрос, не является ли почтительное отношение современных женщин к огню выражением отношения к этому элементу природы как к отдаленному свету собственно женского символа веры.

Из сказанного следует, что, упоминая Коран, мы имеем в виду не первоначальное значение этого слова, а гораздо более широкий смысл, включающий

общие элементы мусульманской культуры, ассоциирующиеся у таджиков с женской картиной мира (это видно и из того, что изложение не слишком избытует кораническими текстами). В предлагаемом контексте Коран подразумевает единый ислам в поведении преимущественно мужчин, а выражение «розовое пламя» — аспекты его регионального своеобразия как олицетворения специфики в основном женской религиозности. Как правило, в этой сфере Коран (исламские нормы и принципы) и розовое пламя (доисламские/«не-исламские» нормы и принципы) выступают слитно, что является предметом данной книги. Анализу характерных особенностей, присущих женской религиозной идентичности, посвящена отдельная часть книги. В этом контексте особое внимание уделяется характерным особенностям разделения традиционных внутрисемейных полоролевых обязанностей как основы элементов полярности в видении мужчинами и женщинами себя в окружающем мире.

Таким образом, обращение к теме огня вплотную подводит к порогам, за которыми еще не понятый как следует мир центрально-азиатской женщины. Однако эта тема лишь подводит к порогам, оставляя внутреннее пространство, которое за ними, недоступным исследователю. Туда мы заглядываем лишь украдкой, так сказать, одним глазком. О многих сторонах традиционного женского быта мы можем судить по очевидным чертам возвышенного отношения к огню как в процессе публичных ритуальных действий, так и при обращении с ним в кругу родственников и знакомых. Используя преимущества, которые дает исследование темы огня, автор пытается связать, например, истоки почтительного отношения женщин к этому природному элементу с таким общеизвестным (в сравнительно недавнем прошлом) явлением в быту народов Центральной Азии, как женское затворничество. Он полагает, что именно затворничество, происходившее из первоначальной замкнутости женщин на выполнении домашних обязанностей, способствовало сохранению ими жизненно важных доисламских ценностей, носящих характер регулятивных программ даже в условиях современности.

При исследовании элементов церемонии *алоугардон* (с объединением структурообразующих составляющих обряда в нерасторжимое тематическое целое) возникают определенные проблемы. Сложность представляет не только самостоятельный анализ каждого звена события в ритуальной реальности и операционной канвы, связанной со свадебным костром. Сюжеты, которые рассматриваются в работе, до сего времени остаются малоизученными; по большому счету, данное исследование затрагивает вопросы, которые едва ли поднимались когда-либо прежде. Трудность еще и в том, что интерес к теме приводит исследователя мужчину в закрытый (во многом и поныне) от посторонних взоров мир восточной женщины. В этой ситуации на помощь приходят сведения, разбросанные в самых разных источниках. Помимо разнообразных литературных источников (о них говорится в соответствующих разделах изложения) основную часть привлекаемых данных составляют полевые материалы автора, полученные путем расспросов и интервьюирования местного населения. Среди материалов этого рода — свидетельства родственников автора, а также собственные наблюдения. В целом ряде случаев воспоминания подростковых и юношеских лет автора, прошедших в атмосфере теплоты материнского общения у семейного очага в помещении с каминно-очажным отделением (*ка-*

саба), оказываются единственным источником информации. В этом случае фрагменты изложения принимают мемуарный характер. Это кажется допустимым, так как представления об огне фиксируются на основе восприятия его образа не только собеседником, но и непосредственно исследователем, для которого любование пляшущим пламенем открытого костра и вдыхание его дыма были практически каждодневными на протяжении почти двух десятков лет.

Известную долю используемых сведений составляют разного рода путевые заметки или разговоры, сторонним участником которых исследователь-полевик становился, или услышанные им устойчивые выражения в живой речи таджиков. Тогда данная информация предваряет раздел, открывая, таким образом, путь для ее осмысления. При использовании всего многоцветия (по происхождению) материалов автор иногда прибегает к дневниковой манере изложения. Как кажется, подобный неакадемический стиль позволяет читателю лучше представить себе идейную пружину того или иного явления там, где скупые академические языковые средства такой возможности не дают.

Предложенное исследование аспектов темы огня в культуре таджиков призвано показать знаковые проявления этого элемента природы, запечатленные в различных сферах традиционной обрядности изучаемого народа. Сообразно этому предпринимается попытка раскрытия потенциала данной проблематики для осмысления процессов динамики и преемственности мировоззренческих систем в условиях неоднократной смены населением религиозной, идеологической, общественно-политической и экономической ориентации. Представляется, что избранный исследовательский угол зрения открывает просторы для этнографических изысканий в широком спектре направлений в различных сферах традиционной обрядности, где присутствие огненной стихии является неременным условием.

Эта книга была частью моего существования на протяжении нескольких лет. Возможно, не все в ней удовлетворит читателя из-за риска ошибок и недоразумений. Но, как мне кажется, было бы еще большей ошибкой обходить молчанием сюжеты, которые уже давно ждут своих исследователей. То немногое, что на сегодняшний день удалось осуществить, стало возможным благодаря атмосфере теплоты, которую я ощущаю на протяжении вот уже 35 лет работы в стенах знаменитой Петровской Кунсткамеры. С особым чувством благодарности вспоминаю коллег по Кунсткамере и за ее пределами за их бесценные советы, пожелания и замечания по тексту этого труда, выросшего из первой главы моей докторской диссертации. Мне доставляет огромное удовольствие искренне поблагодарить И.М. Стеблина-Каменского, А.К. Байбурина, Ю.Е. Березкина, С.Н. Абашина, Л.Г. Герценберга, Е.В. Иванову, В.Ю. Крюкову, С.А. Маретину, М.С. Пелевина, Е.В. Ревуненкову, Е.А. Резвана, А.М. Решетова, М.А. Родионова, А.А. Хисматулина, В.И. Бушкова и других. Большую помощь оказывал автору на начальной стадии работы А.Д. Дридзо. Светлая ему память! Я пользовался технической, а порой и интеллектуальной помощью сотрудников родного мне отдела Центральной Азии МАЭ РАН, в первую очередь молодых — М.Е. Резван, Н.С. Терлецкого и К.С. Васильцова. С большим удовольствием адресую им слова благодарности.

Заканчивая введение, благодарю Б.Р. Рахимова, чьи навыки работы на компьютере я пользовался при наборе текста представленной книги.

1. О традиционной системе отопления жилища у народов Центральной Азии см.: *Писарчик А.К.* Традиционные способы отопления жилища оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // *Жилище народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1982. С. 69–111. Данная работа освобождает нас от рассмотрения вопроса, связанного с терминологией огня у оседлого населения региона.

2. По свадебной обрядности таджиков существует довольно обширная литература. Наиболее весомой является монография Н.А. Кислякова (См.: *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков / ТИЭ. НС. Т. 44. М.; Л., 1959), послужившая толчком к появлению целого ряда интересных работ российских и таджикских этнографов. Наибольший интерес представляют исследования Н.П. Лобачевой, уделившей много внимания изучению этой темы. Перечень этих исследований см. в: Список основных работ Н.П. Лобачевой (к 40-летию научной деятельности) // ЭО. 1995. № 1. С. 185–186.

3. Об институте «мужских домов» см.: *Рахимов Р.Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. Из работ последних лет заслуживает упоминания статья В.И. Бушкова. См.: *Бушков В.И.* Мужские объединения на современном этапе Таджикистанского общества // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы*. М., 2001. Вып. 27. С. 224–239. К этому сюжету относятся также небольшие наши заметки. См.: *Рахимов Р.Р.*: 1) Переживание огня (К проблеме отношения к огню в культуре таджиков // 300 лет иранистики в Санкт-Петербурге: Материалы международной конференции. 28–30 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 113–115; 2) Огонь: От стратегии удовольствия к избирательному началу богопочитания (на примере отношения к огню у таджиков) // Феномен удовольствия в культуре: Материалы международного форума. 6–9 апреля 2004 г. СПб., 2004. С. 195–197.

4. Эти сюжеты рассмотрены в небольших публикациях автора. См.: *Рахимов Р.Р.* 1) Правомерна ли постановка вопроса о двоеверии женщин на Востоке? (На примере реалий жизни и ментальности таджиков) // 285 лет Петербургской Кунсткамеры: Сборник МАЭ. Т. XLVIII. СПб., 2000. С. 242–247; 2) Огни женщин и огни мужчин в культуре таджиков (Правомерна ли постановка вопроса о концепции двух огней?) // Там же. С. 247–252.

5. О Коране существует обширная литература. Из последних изданий в отечественном исламоведении укажу на: *Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб., 2001.